

ИДЕИ И МЕТОДЫ

1

Несмотря на всѣ международные и дипломатическіе успѣхи совѣтской власти, Россія внутренне продолжаетъ находиться въ состояніи острой революціонности, и можно съ полной рѣшительностью сказать, что всѣ попытки большевиковъ перейти отъ революціоннаго правленія Россіей къ закономѣрной (даже съ ихъ точки зрѣнія) стабилизациі коммунистическаго строя — ни къ чему не приведутъ. Правда, за послѣднее время органическая жажда матеріальнаго благополучія какъ будто бы усиливается въ русскомъ народѣ за счетъ національнаго самопониманія, и это порою замѣтно уменьшаетъ духовную сопротивляемость коммунизму. Но тѣмъ не менѣе, повинуюсь диктатурѣ, воспринимая и даже усваивая отдѣльные элементы совѣтскаго режима, большинство русскаго народа все таки продолжаетъ видѣть въ коммунистахъ чуждую и враждебную оккупацию, которая рано или поздно будетъ преодоленна и свергнута. Можно, конечно, упрекать нынѣшнюю Россію въ національной растерянности и пассивности, однако, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что духовно-идейная и дѣйственная борьба съ коммунизмомъ — задача нелегкая. Съ одной стороны, къ моменту революціоннаго прорыва религіозно-національныя, государственно-народныя и бытовыя цѣнности Россіи были частью забыты, частью опорочены; готовыхъ основъ для сосредоточенія цѣлостнаго и положительнаго міросозерцанія, которыя можно было бы сразу противопоставить нарастающему революціонному фанатизму — не оказалось и, въ сущности, нѣтъ

ихъ и по сію пору. Съ другой стороны, съ каждымъ годомъ все сильнѣе даетъ о себѣ знать снизу идущій напоръ чисто экономическихъ силъ народа, стремящихся проявить себя въ новой соціальной обстановкѣ, жаждущихъ, независимо отъ общихъ формъ и принциповъ государственности, реализовать свою хозяйственную энергію. Кромѣ того, насколько утончается и изощряется съ каждымъ годомъ владычества правительственный навѣкъ коммунистовъ, на столько же грубѣетъ и элементаризируется вся противобольшевицкая масса русскаго народа. (Это ясно сказывается хотя бы въ нынѣшней церковной смутѣ; во многихъ случаяхъ дѣйствія и навѣки „живцовъ“ напоминаютъ русскіе нравы 16 — 17 в. в.). Указанное обстоятельство можетъ быть учитываемо отрицательно только условно, лишь постольку, поскольку русское „одичаніе“ является факторомъ, притупляющимъ остріе борьбы съ коммунизмомъ. Что касается до этого явленія по существу, то оно, конечно, не поддается точной оцѣнкѣ, т. к. за виѣшнимъ огрубѣніемъ можетъ скрываться выработка новыхъ внутреннихъ цѣнностей. Если же помнить о томъ культурномъ кризисѣ, въ которомъ находилась дореволюціонная Россія изъ-за разрыва интеллигентскихъ верховъ съ народными низами, то можно даже сказать, что частичное огрубѣніе и упрощеніе русской жизни окажетъ въ будущемъ и свое положительное вліяніе... Уже и теперь, наблюдая русскую современность, можно придти къ тому парадоксальному выводу, что если Россія еще никогда не была захвачена столь чуждымъ ей началомъ, какъ нынѣшнее иго коммунизма, то уже давно не проявляла она съ такой очевидностью самозаконную сущность своей стихіи, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ своей ужасной революціи...

При слагающейся такимъ образомъ обстановкѣ нужно имѣть большое духовное и волевое самообладаніе для того, чтобы не отдаться общему процессу элементаризаціи и пассивнаго опрощенія — и чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ параллельно имѣть, а въ иныхъ и наперекоръ, пытаться наново вернуть себя и ближнихъ къ пониманію религіозно-духовныхъ и государственно-историческихъ призваній и цѣлей Россіи. Оцѣнивая все случившееся и отдавая себѣ отчетъ въ причинахъ столь длительного успѣха большевизма, приходится признать, что силы для отстаиванія, казалось бы противоестественныхъ, на каждомъ шагу себѣ противорѣчащихъ и самоопровергающихъ идей

созерцательнаго устоя. Передъ лицомъ нынѣшней русской катастрофы, когда сокрушены или подвергнуты переоцѣнкѣ всѣ первоосновныя цѣнности духовной и государственно-бытовой жизни, недостаточно обосновываться при созданиі противо-революціонной идеологіи на такихъ концепціяхъ, какъ политическое равноправіе, гражданская свобода, демократическая республика, монархія и т. п. Поскольку всѣ онѣ являются лишь производными цѣнностями опредѣленнаго типа міросозерцаній, ихъ внутренняя значимость не соравна первопринципамъ коммунистической идеологіи, которые нынѣ непосредственно обнажены и напрямикъ вліяютъ своею лже-онтологіей. Кромѣ того, самый тонъ современной русской психики и возбужденность сознанія — покрываютъ и заглушаютъ ту эмоціональность, которая содержится въ современныхъ нормахъ формальной политики и „просвѣщенной“ гражданственности. Для того, чтобы найти вѣрный методъ, тонъ и стиль въ оцѣнкахъ происходящаго и для нахождения вѣрныхъ путей въ будущее, нужно прежде всего не побояться стать религіозно откровенными и патриотически искренними. Это не такъ просто, ибо вся до-революціонная эпоха болѣзненно исказила и заглушила самыя основы русскаго органическаго міросозерцанія.

Всякій человекъ, съ внутреннимъ сознаніемъ того, что онъ русскій, долженъ понимать, что передъ страшной картиной разрушенія родины, пытаясь приступить къ возстановленію оскверненныхъ или уничтоженныхъ цѣнностей, нужно предѣльно углубить духовную силу, нужно поднять самую проблему Россіи на высоту ея историческаго и метафизическаго смысла. И ставя себѣ какъ заданіе воздвиженіе волевого строя идей и дѣйствій, слѣдуетъ менѣе всего опасаться, что въ процессѣ осуществленія проступятъ черты прямолинейности и нѣкоторой упрощенности. Въдѣ поскольку всякій героическій актъ есть всегда волевое обнаруженіе внутренней откровенности и непосредственной искренности, онъ, въ извѣстной мѣрѣ, неотъемлемо несетъ на себѣ печать, односложности, эмоціональной оголенности и вызывающей прямоты. Сначала нужно преодолѣть ложный стыдъ простыхъ словъ и понятій и увидѣть, что основополагающія религіозно-національныя цѣнности человѣческаго бытія разлагаются и пріобрѣтаютъ лицемѣрно-ханжескій смыслъ и отгнѣнокъ лишь при духовной слабости и моральномъ разложеніи самихъ людей. До тѣхъ поръ, пока

не будет найдена вѣрная установка на догматическіе устои вѣвременныхъ цѣнностей русской исторіософіи, можно прямо считать, что не поставлена и сама проблема русскаго возстановаенія.

Всякое сниженіе, схематизація и безотвѣтственное упрощеніе подхода къ событіямъ русской революціи съ каждымъ годомъ все больше начинаютъ пріобрѣтать характеръ злонамѣренной профанаціи, ибо не до шутокъ, не до гладенькихъ діалектическихъ выкладокъ и не до молодеческихъ выпадовъ, когда все усложняется русская дѣйствительность въ связи съ разнообразными явленіями русской и европейской жизни, когда становится ясно, что послѣ семи лѣтъ большевицкаго правленія все еще не найдена въ Россіи та основная ось, вокругъ которой могли бы собраться и утвердиться силы революціоннаго преодоленія. Отнюдь не преуменьшая значенія экономическихъ и практически-дѣловыхъ факторовъ въ проблемѣ русскаго возстановленія, слѣдуетъ, однако, понять, что впереди всего стоитъ неотложность идеологической замѣны нынѣшнихъ руководящихъ стимуловъ Россіи, установленіе подлинныхъ духовныхъ законоположеній, могущихъ быть положенными въ основаніе всей будущей послѣреволюціонной эпохи. Нужно думать, что такой именно подходъ къ революціи и современности, такое основное возведеніе въ противовѣсъ системѣ коммунизма новаго, цѣлостнаго міросозерцанія, для сознательной противореволюціонной Россіи является единственно пріемлемой формой глубиннаго сопротивленія коммунизму и борьбы съ нимъ; ибо если совѣтская власть породила страшную ненависть къ себѣ, то она же научила многихъ русскихъ людей глубокому и внутренне-сосредоточенному отношенію къ окружающему, научила пониманію всей глубины и сложности причинъ русскаго паденія. Не слѣдуетъ застилать себѣ зрѣніе призрачными иллюзіями и планами, тѣмъ болѣе не слѣдуетъ упрощать пониманіе фактовъ и процессовъ революціи, но стоя лицомъ къ лицу съ дѣломъ большевиковъ, понимая всю чужеприродность для Россіи этого дѣла и воочію видя всѣ разрывы историческихъ преемствъ, нужно съ особенной ясностью понять подлинный ликъ Россіи, и на основаніи этого опытнаго знанія, — которое можетъ и должно въ нынѣшней обстановкѣ стать для всѣхъ русскихъ поистинѣ интуитивнымъ постиженіемъ, возвратомъ къ своей давно забытой органической

правдѣ, — нужно создавать, какъ современный фронтъ идей, такъ и методъ ихъ осуществленія.

Прежде всего слѣдуетъ установить, что въ оцѣнкѣ русской революціи моментъ причины (собственно значеніе условий, при которыхъ революціи удалось прорваться) играетъ второстепенную роль. Важно уясненіе самой структуры явленія революціи, которая и вскрываетъ ея подлинныя основанія и смыслъ. Генетическій рядъ, приведшій къ революціи, конечно былъ, но самъ по себѣ онъ мало даетъ, т. к. процессы русскаго культурнаго разложенія дѣйствовали разнообразно, часто въ противоположныхъ причинныхъ рядахъ, въ разныя эпохи мѣняя свои аспекты. Лишь теперь, имѣя фактъ и явленіе русской революціи въ полной развернутости, „завершенности“ и „устойчивости“, представляется возможность въ подробномъ изслѣдованіи и опредѣленіи вскрыть всю сложную структуру русской деформации.

Два обстоятельства на первый взглядъ какъ будто бы опровергаютъ подобную установку пониманія революціи, какъ итога глубинно-культурныхъ перерожденій русскаго организма: 1. непосредственнымъ поводомъ революціи послужила война, т. е. внѣшній фактъ и 2. послѣ 1905 года намѣчалось социальное-хозяйственное возрожденіе. Но, конечно, ошибочно считать войну извнѣ навалившейся катастрофой: участіе въ ней Россіи¹⁾, равно какъ и сама возможность всеевропейской войны были обусловлены сложнѣйшимъ комплексомъ культурно-историческихъ фактовъ, простирающихся далеко въ прошлое. Что же касается до предреволюціоннаго хозяйственнаго возрожденія, то его нельзя учитывать внѣ связи съ идейно-культурнымъ состояніемъ того времени, въ которомъ соответственнаго подъема не оказалось.

Идеалистическая и эстетическая реакція на долгіе годы упорной нигилистической слѣпоты и обывательскаго безвкусія, намѣтившаяся въ 90-хъ годахъ, не была дружной; она распалась на рядъ болѣзненныхъ и причудливыхъ теченій, не сумѣвъ проложить основнаго русла въ тогдашней идейно-общественной

¹⁾ Мысль гр. Ростопчина (высказанная имъ въ донесеніи Императору Павлу по поводу выгоды войны 1799 г., разорвавшей почти всѣ союзы Россіи съ другими землями), что „Россія съ прочими державами не должна имѣть иныхъ связей, кромѣ торговыхъ“ — такъ и не получила реального осуществленія во всю эпоху европейскаго имперіализма въ „петербургской“ политикѣ.

жизни. Многосложность идеалистического „ренесанса“ 90 — 900-хъ г.г., его неотчетливость и изломанность изобличали ненайденность и нетвердость основныхъ установокъ, на которыхъ должно было наново утвердиться русское сознание, извращенное и затуманенное давнишними наводнениями. Неизлеченной, съ непрояснившимися идеями и безъ твердаго общественнаго міросозерцанія приняла Россія вѣсть о мобилизаціи 1914 г.; надрывень и полусознателень былъ патріотическій подъемъ первыхъ лѣтъ войны, который почти незамѣтно перешелъ въ судорожную и бредовую возбужденность революціи, гражданской войны и большевизма...

Естественно, что внутреннее единство только что намѣченныхъ этаповъ-смѣнъ русской общественной настроенности отнюдь не опровергаетъ, а наоборотъ, подтверждаетъ мысль о глубинномъ кризисѣ, въ которомъ находилась русская культура передъ войной и революціей, и сводитъ на нѣтъ значеніе „ренесансныхъ“ 900-хъ годовъ.

Если вообще правомѣрна попытка въ нѣсколькихъ словахъ выразить смыслъ глубинно-сложныхъ историческихъ явленій, то можно было бы характеризовать сущность русскаго революціоннаго процесса, какъ въ длительныхъ и многообразныхъ фазисахъ подготовленія, такъ и въ реальныхъ формахъ осуществленія, тремя словами: самоотступничество, самоненавистничество и самоборство.

Эти страшныя искаженія русскаго самосознанія, имѣя свою длительную традицію, въ то же время всегда обладали способностью оборачиваться въ самыя различныя и нерѣдко противорѣчивыя формы и видимости. Именно теперь, въ равной степени, какъ для нахождения реального выхода изъ создававшегося положенія, такъ и для духовно-идейнаго самовозстановленія, слѣдуетъ углубить пониманіе тѣхъ явленій русской культуры, которыя издавна были и продолжаютъ быть по отношенію къ русской сущности — источниками революціоннаго яда.

2

Въ двухъ явственно-различаемыхъ, хотя и прямо другъ друга обуславливающихъ планахъ приуготовлялась и фактически разразилась русская революція: въ планѣ соціально-поли-

тическомъ и въ планѣ религиозно-культурномъ. Только теперь, когда рухнула старая Россія, подходя къ событіямъ широко, зряче и непристрастно, представляется возможнымъ изобличить всѣ корни и охваты ея страшной революціонной болѣзни, оказывается доступнымъ обнаружить всю степень и разнородность искаженія русскаго предреволюціоннаго бытія. Это именно искаженіе и не позволило большинству русскаго общества понять всю реальность надвигающихся ужасовъ; изъ-за него же не хватило у руководящихъ круговъ разумѣнія и рѣшительности въ нужное время поступиться малымъ и частнымъ во имя спасенія цѣлаго и общаго.

Если учитывать историческія событія съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, оставаясь при этомъ въ планѣ чисто матеріальныхъ оцѣнокъ, то вторая русская революція предстанетъ дѣйствительно какъ глупый и бессмысленный актъ самоистребленія и самовозвращенія вспять. Однако, вся картина, въ которую нынѣ развернулась революція, ея различные факты, проявленія и обращенія, самое существо и настроенность, свидѣтельствуютъ съ несомнѣнностью, что начавшись съ аграрно-соціального движенія, она усложнилась на пути своего расширеніе какимъ-то инымъ смысломъ и содержаніемъ, которые и по сей день остаются оклеветанными коммунизмомъ и потому не распознанными.

Аграрная революція сама по себѣ еще не предопредѣляла той страшной войны, которую объявилъ народъ всему своему культурному классу, не понимая, что во многихъ случаяхъ этотъ походъ означалъ для народа самосокрушеніе. Соціалисты тотчасъ же затемнили первичный смыслъ этой борьбы съ культурой своими партійно-фанатичными лозунгами разрушенія; и какъ это ни страшно, нужно признать, что, разрушая подлинныя цѣнности русской культуры, большевики во многихъ случаяхъ исполняли прямую волю народа. Революція раскрыла всю ненависть и невозможность приспособленія русскихъ народныхъ массъ къ цѣлому ряду фактовъ и явленій дореволюціонной культуры; и воспринялъ народъ такъ легко и стихійно лозунгъ классовой борьбы именно потому, что почувствовалъ въ немъ не одинъ только случай посчитаться съ имущественно надѣленными, но и возможность избавиться отъ господства надъ собой чужеродной культуры, которая издавна создавала непонятный типъ людей и давала имъ недоступныя для другихъ

преимущества¹⁾. Это роковое въ сознаниі народномъ представленіе о прерогативахъ правящаго культурнаго класса²⁾, а слѣдовательно и объ основахъ власти, въ которомъ фактъ имущественной надѣленности и правовой исключительности „верховъ“ нераздѣливо сливался съ иноприродностью ихъ внутренней культуры и внѣшняго облика, свидѣтельствовало, конечно, о глубокомъ разложеніи подлинныхъ и здоровыхъ началъ государственности. И въ извѣстной мѣрѣ это народное представленіе было не ошибочнымъ, — ибо уже давно императорская власть и правящіе круги вступили на путь разобщенія со своимъ „примитивомъ“ (понимая подъ послѣднимъ міросозерцательную первосущность русской стихіи, имѣющую онтологическіе истоки и опредѣляющую основной смыслъ, укладъ и стиль, какъ религиозно-національнаго бытія, такъ и быта Россіи). Тѣмъ самымъ создавались такія психологическія и государственно-бытовые условія, при которыхъ народъ чувствовалъ себя не у д о б н о, былъ въ „нравственномъ безпокойствѣ“, дѣйствительно оказывался „въ великомъ уединеніи“ и не могъ органически вложиться во всю систему политической жизни и ея динамику.

Было бы ложной народнической идеализаціей думать, что въ то время, какъ помѣстный классъ и интеллигенція без-

1) Можно съ полной основательностью сказать, что напр. въ стилѣ и укладѣ дореволюціонной усадебно-помѣщичьей жизни въ глазахъ народа было нѣчто издавна раздражавшее и культурно-ненавистное, что и придало аграрной революціи особенно жестокой и на первый взглядъ бессмысленно разрушительный характеръ. Это слѣдуетъ особо подчеркнуть, такъ какъ первый бунтарскій натискъ на помѣстно-землевладѣческую культуру опредѣлили собою въ значительной степени все дальнѣйшее теченіе революціи; сказывается онъ и до сего времени въ ненависти къ „барину“ и „господину“...

2) Понятіе правящаго класса въ контекстѣ данной статьи толкуется съ возможной широтой и принимается какъ совокупность всѣхъ индивидуальных силъ, направляющихъ и активно-регулирующихъ государственно-общественную жизнь народа. Въ здоровой государственной жизни принципъ правящей традиціи неразрывно связуется съ отборомъ неопредѣлимой внѣшней среды, съ органической кооптаціей. Лишь боленныя условія Россіи могли привести къ тому, что въ эпоху послѣднихъ царствованій „традиція“ (въ данномъ случаѣ — историческая власть) и „отборъ“ (въ данномъ случаѣ — дворянство и вообще цензовые элементы страны), утерявъ всякое представленіе и память о взаимности интересовъ, объявили другъ другу жесточайшую войну, въ результатъ которой обѣ стороны оказались одинаково уничтоженными.

оглядно отдавались западопоклонству, русский народъ продолжалъ непреклонно стоять на стражѣ своей самосушности. Разложеніе коснулось и его, но, конечно, сугубо виновны соблазнитель и показывавшіе примѣръ, не сумѣвшіе и не пожелавшіе государственно и культурно санкціонировать и развить данныя народнаго „примитива“.

Какovy бы ни были историческія перепутья и отклоненія народа, сколь бы ни была прихотлива его судьба, традиція власти и отборъ правящихъ, какъ опредѣлительные элементы націи, для своего и всеобщаго благополучнаго историческаго дѣйствования, должны обезпечивать и блюсти, чтобы память народная и сознание не утрачивали способности, пусть въ рѣдкихъ и рѣшающе-отвѣтственныхъ случаяхъ, обращаться для самопровѣрки и самонахожденія, къ своимъ историческимъ первопринципамъ, умѣли бы возстанавливать черезъ прошлое связь съ ними. Для этого, прежде всего, нужна вѣрная государственная интуиція, найденность и органическая направленность хотя бы въ основныхъ дѣйственно-историческихъ становленіяхъ. Необходимо, чтобы въ общемъ балансѣ историческихъ цѣнностей народа, который безсознательно подытоживается въ каждый данный моментъ, цѣнности непреходящія и образно-значущія реально господствовали бы на путяхъ обнаруженія національной энтелехіи, заставляя мириться со всей массой неизбѣжныхъ историческихъ грѣховъ, ошибокъ и злокозней. Положительные устои національной исторіософіи должны сознаться интуитивно и непреклонно, чтобы побѣждать начало историческаго зла, у котораго также есть своя память и способность генетически трансформироваться и переходить подъ разными видами изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ эпохи въ эпоху. Поэтому, понятна вся степень отвѣтственности, которая лежитъ на культурно-ведущемъ меньшинствѣ въ смыслѣ дѣйственаго пріобщенія новыхъ поколѣній къ религиозно-историческимъ цѣностямъ ихъ прошлаго. Нарушеніе этого процесса сопричастованія всегда ведетъ къ тому, что народная стихія перестаетъ себя понимать и увлекается злымъ самоненавистничествомъ и самоистребленіемъ. Подобный именно фактъ произошелъ съ Россіей, съ ея правящими верхами и народомъ. Въ русской исторіи были великія несчастія, роковыя неудачи и грѣхи, была далеко въ прошлое идущая цѣпь обусловливающихъ другъ друга отрицательныхъ историческихъ фактовъ. Но былъ и есть, конечно,

также и историческій рядъ святыхъ, великихъ и непреходящихъ цѣнностей. Однако, цѣль положительнаго преинства была культурно-правящимъ классомъ въ разные сроки во многихъ мѣстахъ разомкнута и когда понадобилось, въ критическую минуту крушенія императорской власти, возвать и вернуться для самонахожденія къ историческому примитиву, связь оказалась невозстановимой и черпать силы и разумѣніе изъ глубины русской органики было уже невозможно. Порывъ, проявленный добровольчествомъ, какъ опредѣлительной частью „блага движенія“, къ защитѣ тѣхъ цѣнностей, на которыя обрушилась революція, былъ и жертвеннымъ и героичнымъ, но исторически онъ былъ обреченнымъ, уже потому, что самъ основывался только на порывѣ и благородныхъ рефлексахъ. Поэтому, имѣя всѣ этическія и логическія данныя на правопреемство русской государственной власти, блгое движеніе было все таки сокрушено революціей, сумѣвшей въ короткій срокъ кумулировать въ себѣ все русское зло, настоящее и прошлое, получая тѣмъ самымъ мнимо-органическую устойчивость и лже-правомочность. Въ то время, какъ добровольчеству приходилось быть „самому себѣ предкомъ“ и оно неувѣренно выставляло свои не всегда основоположные лозунги борьбы, почерпнутые въ упадочной и растерявшейся государственно - общественной средѣ, и выступало скорѣе какъ вооруженная группа, нежели какъ героическое народное ополченіе, несущее въ себѣ подлинную идею и волю націи, большевики сосредоточили въ свою пользу всю русскую исторію въ ея отрицательномъ смыслѣ, тѣмъ самымъ завладѣвъ и жизненнымъ ея центромъ, и съ величайшей реальностью запечатлѣли въ себѣ не только черты современнаго социаль-коммунизма, но и элементы движенія Болотникова, Шаховского, разиновщину и пугачевщину.

Съ внѣшней стороны многозначительнымъ съ перваго же момента борьбы оказалось расположеніе обѣихъ борющихся сторонъ: революція сразу завладѣла центромъ и заставила отстаивающихъ государственное правопреемство защищаться на окраинахъ. Это расположеніе заранѣе предрѣшало исходъ борьбы. Захватъ центра революціонными силами сразу создалъ обстановку, существенно отличную отъ обстановки разиновщины и пугачевщины, когда центръ все время оставался въ рукахъ правительства и помѣстнаго класса. — Вмѣстѣ съ концомъ блага движенія закончилась руководящая роль дворянско-

бюрократическаго правящаго класса старой Россіи, ибо въ лицѣ бѣлыхъ армій потерпѣли пораженіе, были внутренне обличены и приговорены не только поколѣнія современности и недавняго прошлаго, но и вся двухвѣковая традиція русскаго культурно - правительственнаго водительства въ духѣ европеизаціи.

За нѣсколько десятковъ лѣтъ до революціоннаго разгрома, въ концѣ XIX в. и въ началѣ XX-го, передъ русской властью и правящими кругами была самой жизнью поставлена трудная, но не роковая задача: нужно было наново разграничить сферу реформъ и эволюціи отъ сферы непреступаемой государственно-религіозной догматики, для того, чтобы имѣть возможность сочетать охраненіе съ широкой государственно-соціальной работой.

Отъ удачи этого переразграниченія зависѣло спасеніе русскаго будущаго, ибо усложненіе соціально-экономической структуры Россіи начало противоестественно сочетаться съ наростаніемъ принципиально-идеологической борьбы противъ самыхъ основаній русской государственности. И только при условіи широкаго и творческаго почина со стороны правительства въ сферѣ хозяйственно-экономическаго развитія представлялось возможнымъ расщепить это уродливое сращеніе и противопоставить революціонной возбужденности твердое охраненіе. Вообще говоря, государственная эволюція можетъ протекать плодотворно только тогда, когда за нею твердо стоитъ ее самое нормирующее основоположно-національное міросозерцаніе, подобно тому, какъ и религіозно-государственная догматика укрѣпляется и живетъ лишь при условіи гибкости и подвижности (эволюціонности) правящаго аппарата, который обновляя все жизненно-условное и мѣняющееся, приспособляясь къ преходящимъ формамъ жизни, тѣмъ незыблемѣй утверждаетъ авторитетъ первоосновъ, не профанируя ихъ въ обиходѣ злободневной политики...

Необходимость этого передвиженія границъ не была понята правительствомъ и очень скоро, подъ давленіемъ событій, оно подмѣнило смыслъ охраненія костью къ реальнымъ реформамъ; и не желая становиться на путь „прикладнаго“ развитія изъ опасенія поколебать самыя прерогативы строя, тѣмъ самымъ именно ихъ и подорвало. Понятія революціонности и реакціи, эволюціонизма и консерватизма настолько перепутались,

что сплошь и рядомъ на протяженіи послѣднихъ царствованій власть вела борьбу со своимъ же правящимъ классомъ и видѣла враговъ тамъ, гдѣ были еще вѣрноподанные (нелѣпый фактъ, что и Хомяковъ въ свое время былъ заподозрѣнъ полиціей „въ невѣрїи въ Бога и въ недостатокѣ патріотизма“ — остался навсегда типичнымъ и имѣлъ многочисленныя аналогіи), боялась именно тѣхъ реформъ, которыя какъ разъ могли бы упрочить наиболѣе расшатывавшіеся устои¹⁾). Частые случаи недостаточнаго, а порою и полнаго неиспользованія духовныхъ силъ русской общественности ярко свидѣлствуютъ о несоотвѣтствіи практическимъ и идеальнымъ нуждамъ государственнаго развитія правительственной установки. — Злостный „міросозерцательный либерализмъ“ общества въ извѣстной мѣрѣ и опредѣлялся правительственнымъ упорствомъ, нежелавшимъ понять всю необходимость либерализма методологическаго и прикладнаго. Это помутнѣніе правительственнаго самосознанія и конкретнаго историческаго видѣнія

¹⁾ Въ этомъ смыслѣ характерна была боязнь широкаго преобразованія церковнаго управленія и возвращенія церкви полноты ея священныхъ правъ. Здѣсь, конечно, сказывались грѣховныя цезарепапистскія традиціи власти, заложенныя Петромъ и принимавшія иногда зловѣщій аспектъ церковборчества (начиная съ реформъ самаго Петра I, Екатерины II и кончая церковной политикой императрицы Александры Феодоровны). Официальная правительственная точка зрѣнія на проблемы церковнаго обновленія сказала съ полной отчетливостью въ отвѣтъ К. П. Побѣдоносцева на записку С. Ю. Витте „О современномъ положеніи Православной Церкви“, разосланную членамъ Комитета Министровъ въ февралѣ 1905 г. Этотъ отвѣтъ, датированный 12 марта 1905 г. и озаглавленный „Соображенія ст. секр. Побѣдоносцева по вопросамъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной церкви“ поражаетъ своей духовной глухотой и омертвѣніемъ всякаго религіознаго чувства, граничащими съ нигилистической опустошенностью. Темы, затронутыя „Запиской“ Витте по существу вовсе не обсуждаются. На основной ея тезисъ о неканоническомъ характерѣ церковной реформы Петра I Побѣдоносцевъ отвѣчаетъ чисто формально, что „синодъ есть постоянный соборъ“. Далѣе идутъ ссылки на то, что соборное начало церковнаго управленія не можетъ быть осуществлено въ Россіи въ виду неудобства путей сообщенія, изъ-за ея „обширности“ и „безпутья“ (!). Случайные съѣзды нѣсколькихъ епископовъ Побѣдоносцевъ не колеблется считать помѣстными соборами. Въ отвѣтъ на указаніе „Записки“, что Консисторія вмѣсто каноническаго „собора пресвитеровъ“ представляетъ собою чиновничью канцелярію, гдѣ задыхаются отъ бумажнаго дѣлопроизводства, Побѣдоносцевъ спокойно отвѣчаетъ, что безъ чиновниковъ не обойтись, ибо дѣловая „переписка, размножаясь, доходитъ въ иныхъ консисторіяхъ до 20.000 исходящихъ

свидѣтельствовало о небываломъ и роковомъ внутреннемъ оскудѣніи самыхъ „древнихъ корней“, на которыхъ покоилась русская держава. Не имѣя внутри себя живого образа Россіи, сама власть въ сущности не вѣрила въ реальный смыслъ своихъ священныхъ истоковъ, а потому не имѣла авторитета заставить и другихъ признать этотъ смыслъ. Самыя священные слова, понятія и принципы, будучи высказанными правительствомъ — звучали какъ пустыя риторическія формулы, какъ сусальная чувствительность, вызывавшія одно лишь раздраженіе, неминуемо подрывая устои и авторитетъ всего государственнаго цѣлаго.

А между тѣмъ, еще послѣ 1905 г. объективно было время для того, чтобы осознать всю необходимость волевого, дѣйствительнаго переворота, почина къ нему и всяческихъ жертвъ ради того, чтобы спасти то психологическое основаніе, на которомъ въ народѣ утверждалась, ограждающая его бытіе, го-

---

бумагъ въ годъ“. Кастовый замкнутый характеръ духовенства объясняется Побѣдоносцевымъ довольно цинично, какъ слѣдствіе обилія дѣтей у духовенства, которымъ предстоитъ большею частью искать себѣ пропитанія и дѣла въ томъ же званіи.

Въ общемъ, основныя идеологическія положенія Побѣдоносцева сводятся въ указанныхъ „соображеніяхъ“ къ признанію всей правоты „Духовнаго регламента“, при чемъ въ нѣкоторыхъ разсужденіяхъ по этому поводу проступаютъ черты типичнаго шестидесятника - позитивиста и слѣпго законническаго догматиста, видящаго въ русскомъ религіозномъ прошломъ („въ періодъ патріаршества“) лишь „мертвенность обрядоваго формализма и церковнаго быта“, „суевѣрные обычаи“ и „невѣжество пастырей“ и откровенно признающаго, что „событія въ концѣ 17-го и начала 18-го столѣтія показали, что патріаршее правленіе опасно для государства и потому въ цѣляхъ самозащиты государству не осталось иного исхода, какъ уничтожить патріаршее правленіе“... (!?)

Интересно и чрезвычайно характерно, что консерватизмъ Побѣдоносцева сочетается со специфической убѣжденностью, что историческій процессъ — прогрессивенъ; онъ убѣжденно говоритъ, что изъ „новаго міра“ нельзя вернуться къ интересамъ Руси 16—17 в. в.; современный „священникъ съ ценомъ“ является для него, по сравненію съ неграмотнымъ священникомъ стараго времени, „повторявшимъ съ памяти церковныя службы для свершенія требъ“ — безусловной новой цѣнностью просвѣтительскаго развитія, неоспоримымъ показателемъ прогресса. Въ этой духовной и исторіософской опустошенности нужно искать сближенія и даже роковаго совпаденія идей и методовъ доживавшаго консерватизма съ міросозерцаніемъ и тактикой воинствующей революціи.

сударственность¹⁾. Но вмѣсто второй „эпохи великихъ реформъ“, которая лишь намѣчалась въ дѣятельности Столыпина, неиспользованнаго во всемъ объемѣ его возможностей и не поддержаннаго прежде всего самой властью, правительство стало на малодушный и неискренній путь полумѣръ и неувѣренной „самозащиты“. Возстановившійся послѣ событій первой революціи порядокъ и успокоеніе дали возможность замолчать, какъ опасность новой революціи, такъ и необходимость широкаго правительственнаго творчества. Такимъ образомъ, время для возможнаго исцѣленія русской государственности было невозвратно упущено. Чтобы слабые люди нашли въ себѣ силы для жертвы, нужно отчетливое пониманіе, во имя чего жертва приносится, а къ концу „критическаго“ 19 в. и началу мятежнаго 20 в. настолько была утеряна правящими кругами способность живого сопричастія къ тайнѣ русскаго „примитива“, что вмѣстѣ съ отрывомъ отъ пониманія судебъ общенародныхъ, была утрачена не только идея жертвы, но и инстинктъ личнаго самосохраненія.

Это вырожденіе тѣмъ ужаснѣй, что у Россіи исключительно много данныхъ для того, чтобы обладать живымъ и крѣпкимъ чувствомъ народнаго примитива и самозаконной исторіософіи, могущимъ опредѣлить ея духовно-государственныя судьбы,

¹⁾ Если даже отрѣшиться отъ строгой и отвѣтственной оцѣнки такихъ явленій, какъ правительственная „легализація“ рабочаго движенія временъ Зубатова и Гапона, участія въ немъ департамента полиціи, организациі „союза русскаго народа“ и различнаго рода другихъ политическихъ „братствъ“, и усвоить ко всему этому наиболѣе благоприятствующую точку зрѣнія, то приходится все таки признать, что во всѣхъ методахъ правительственной борьбы съ первой революціей проявилось паденіе той „моральной силы“, о которой въ свое время говорилъ Бенкендорфъ при основаніи корпуса жандармовъ, сказалась вся болѣзненная немощь власти, не сумѣвшей возглавить начавшееся движеніе и создать для него легальное русло. При болѣе подробномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ и событій того времени, сужденія и дѣйствія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ представителей власти поражаютъ своей прозорливостью и правильностью. Однако, исторія ставитъ передъ испытаніемъ не только единичныхъ лицъ, но и коллективы, и лишь общая находчивость, инстинктъ множества, чутье всѣхъ руководящихъ группъ и круговъ въ состояніи вывести народъ въ критическія минуты изъ опасности саморазложенія и пагубныхъ соблазновъ. Вотъ этого-то коллективнаго разумѣнія и чутья и не обнаружилъ правящій классъ въ 1903—1905 г. г. и въ послѣдующій затѣмъ періодъ, и инстинктъ общаго блага и самосохраненія (эти понятія въ то время совпадали), въ упадочной сложности противорѣчивыхъ интересовъ и мнѣній, не возобладалъ и не оказался побѣдителемъ.

обусловить народно-историческія заданія и вдохновить ея культурно-ведущее начало.

Изъ всѣхъ народовъ, принявшихъ истинное восточное Православіе, только русскій народъ надѣленъ одновременно великимъ даромъ и тягчайшимъ, неизбывнымъ игомъ исторически являть себя въ масштабахъ и большомъ стилѣ подлинной великодержавности.

Историческое бытіе Россіи и даже самый фактъ ея существованія — опредѣляются нѣкимъ двуединствомъ соціально-этнографическаго элемента съ религіозно-православнымъ. Это двуединство надо считать молекулой, исходнымъ моментомъ Россіи, русскаго существа. Поэтому въ пониманіи Россіи и въ исторической памяти о ея первоосновахъ эти два начала должны неизбѣжно скрещиваться. Правда, въ сочетаніи религіозной избранности и эмпирической надѣленности Россіи — заложены самые страшные соблазны ея исторіи, хотя, съ другой стороны, только это сродство въ ры и размѣрности, вселенскости и національной типичности и даетъ подлинный онтологическій и историческій образъ Россіи. Поэтому русскій имперіализмъ несетъ въ себѣ отвѣтственную миссію быть адекватнымъ объективно-цѣнному смыслу метафизики своей націи, въ чемъ и заключается единственно возможное разрѣшеніе исторической діалектики Россіи, православной и великодержавной.¹⁾

Вотъ эта именно историческая надѣленность Россіи, сочетающая въ себѣ исключительное богатство качественныхъ и количественныхъ цѣнностей, русскія религіозно-національныя первостихіи и первообразующія этнографическія силы, въ коихъ беретъ свое начало характерная духовно-идеологическая струк-

---

¹⁾ Смыслъ, значеніе и метафизику русскаго великодержавія глубоко понималъ Хомяковъ, когда говорилъ: „...великая держава болѣе другихъ представляетъ душѣ осуществленіе той высокой и доселѣ недосягаемой цѣли мира и благоволенія между людьми, къ которой мы призваны; потому что душевный союзъ съ милліонами, когда онъ осуществленъ, выше поднимаетъ душу человѣка, чѣмъ связь, даже самая близкая, съ немногими тысячами; потому, что видимая и безпрестанная вражда всегда рыщетъ около тѣсныхъ границъ мелкаго общества, и что удаленіе ея облагораживаетъ и умиротворяетъ сердце; и потому, наконецъ, что по тайному (но, можетъ быть, понятному) сочувствію между духомъ человѣка и объемомъ общества, самое величіе ума и мысли принадлежитъ только великимъ народамъ“. (По поводу статьи И. В. Киреевскаго, 1852 г.)

тура русской исторіософіи — и перестали быть для государственной культуры и политики правящихъ верховъ реальными обуславливающими основами. Теперь, когда передъ лицомъ революціи уже достаточно пересмотрены и переоцѣнены многіе факты русской исторіи, и причинные ряды ихъ породившіе, представляется нетруднымъ даже въ сжатой схемѣ представить себѣ сущность процессовъ, приведшихъ къ этому роковому вырожденію.

Разложеніе и обезличиваніе правящаго класса шло по двумъ русламъ: первое изъ нихъ опредѣлилось неизмѣннымъ стремленіемъ власти создавать технически-бюрократическій аппаратъ для формального и обще-шаблоннаго обслуживания нуждъ полицейской государственности западнаго, не критически принятаго образца. Второе пошло по линіи культурной деградациі, вслѣдствіе искусственнаго приспособленія родового дворянства и бюрократіи къ западнымъ культурно-идеологическимъ началамъ, не имѣвшимъ порою никакого положительнаго смысла и значенія даже у себя на родинѣ. Зарожденіе тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые постепенно формировали революціонную интеллигенцію, начиная отъ 40-хъ годовъ и кончая Р. К. П., конечно, соотносительно процессу разложенія національнаго правящаго класса, ибо какъ разъ между двумя только что указанными руслами, незахваченными потокомъ реальной русской жизни, и очутилась формація русскихъ людей, не имѣвшихъ ни духовной, ни бытовой осѣдлости, для которыхъ породившая ихъ государственность не смогла или не захотѣла найти творческаго приложенія. Изъ этого класса, изъ поколѣнія въ поколѣніе, особенно начиная съ 60-ыхъ годовъ создавалась та формація русскихъ разночинцевъ и революціонеровъ, которая была уже въ равной степени враждебной, какъ русскому западнеческому дворянству и бюрократіи, такъ и народу. Въ силу ряда роковыхъ причинъ (и прежде всего изъ-за единства идеологическаго источника питанія) тѣмъ не менѣе произошло какое то взаимопроникновеніе, взаимообмѣнъ и обусловленность помѣстнаго класса, бюрократіи и разночинной интеллигенціи, и это именно обстоятельство поддерживало и усугубляло накопленіе специфическаго яда руссофобства во всѣхъ трехъ группахъ, не давая въ то же время противоположнымъ созидющимъ силамъ упрочиться и проявиться въ какомъ нибудь государственно-культурномъ дѣяніи большого масштаба. Соз-

давался своего рода порочный кругъ: правящій классъ, самъ внутренно распадаясь, во многомъ провоцировалъ революціонную интеллигенцію, а революціонныя проявленія послѣдней вызывали новое часто рефлекторно-неосмысленное противоборство правительства, которое ложилось уже тяжелымъ режимомъ на все общество и народъ. Въ особой и характерной связи оказались, начиная съ второй половины 19-го вѣка эти внутри-соціальные процессы съ общей имперіалистической политикой Россіи. Своими типично-западническими принципами и методами, русскій имперіализмъ непосредственно содѣйствовалъ общественной европеизаціи Россіи и, слѣдовательно, находился въ своеобразной связи со всѣми теченіями, ставившими себѣ задачей — нейтрализовать духовно-національное начало русской стихіи путемъ ввѣдренія иноприродныхъ элементовъ культуры; и въ то же время вызывалъ къ себѣ со стороны тѣхъ же теченій озлобленное непониманіе и внутреннее непріятіе всего облика и побужденій русскаго государственно-державнаго расширенія.

Обстоятельства были таковы, что сознательная и полусознательная народно-общественная критика тогдашнихъ государственныхъ принциповъ не могла привести къ желаемому ихъ преобразованію, и обусловливала только то державоборство, и поруганіе собственной мощи, которыя стали однимъ изъ тлетворнѣйшихъ моментовъ въ революціонной идеологіи западнической интеллигенціи. Здоровое противленіе чуждымъ шаблонамъ властвованія легко переходило и извращалось, за неимѣніемъ прямого выхода, въ типичную революціонную психологію и тактику, которыя, однако, своими западническими корнями были соотнесительны западническому же консерватизму власти.

Нужно отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что именно власть и русская государственность первыя бросили вызовъ пробуждавшейся народной самодѣятельности и поставили передъ Россіей внутренно ложную диллему для ея развитія: быть-ли Россіи культурной Европой или варварской Азіей, — не созная даже возможности третьяго выхода — въ развитіи культуры самозаконно-русской.

Если въ эпоху Петра I установка на Западъ давала Россіи дѣйствительно новыя возможности для реализаціи ея природной великодержавности, то въ послѣдующія царствованія этотъ уклонъ былъ только тлетворнымъ, ибо онъ началъ иска-

жать самый стиль и внутренней смыслъ русскаго государства. Царствованія Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая Павловича, при всей ихъ разноцѣнности, протекали, однако, подъ однимъ общимъ знакомъ — государственной европеизаціи Россіи, при которой верховная власть естественно разлагалась и теряла свои органическія начала, замѣняя ихъ эклектическими идеологіями и теоріями власти; въ нихъ память о московско-византійскомъ скипетро-державіи причудливо сочеталась, въ разныя эпохи, съ идеями то французскаго роялистскаго абсолютизма, то австро-прусской полицейской государственности и милитаризма. Но, можетъ быть, наибольшее зло было причинено органическому развитію Россіи тѣми официальными идеями и правительственно-международной тактикой, которые опредѣлили собой участіе Россіи въ реакціонныхъ интернаціоналахъ конца царствованія Александра I и эпохи 40-хъ годовъ, гдѣ и слѣдует, б. м., искать зачатки нынѣшняго интернаціонала революціоннаго. Испугавшись французской революціи и всѣхъ послѣдующихъ европейскихъ соціально-политическихъ процессовъ, русская реакція начала ограждать себя отъ нихъ не путемъ дѣйствительнаго противопоставленія революціонной Европѣ всего органическаго уклада русской жизни, бывшаго тогда прямой антитезой всему происходящему на Западѣ, а путемъ поощренія отвлеченно-космополитической доктрины охраненія и путемъ реакціонной европеизаціи Россіи, что въ первую очередь требовало, конечно, отгѣсненія народа вглубь, етъединенія его отъ дѣятельно-соціальной жизни, превращенія живого субъекта государственности въ объектъ своеобразной и нерѣдко корыстной опеки и даже эксплуатаціи: инертный материкъ народа служилъ основой для проведенія въ жизнь, несообразной ни съ какими національными интересами и нуждами Россіи, идеи блюстительства всеевропейскаго порядка¹⁾. Значеніе всей этой системы идей и политики въ общемъ процессѣ денационализаціи правящаго класса все еще не достаточно понято въ широкихъ кругахъ; но вѣдь именно здѣсь, въ

1) Интересно было бы вспомнить въ наши дни во многомъ замѣчательную, запечатлѣнную подлинной геніальностью книгу Н. Я. Данилевскаго „Россія и Европа“ (первое изд. 1869 г.). Въ частности въ ней дана яркая и рѣзкая критика русской политики 19-го вѣка. Въ II-й главѣ „Европейничанье — болѣзнь русской жизни“, Данилевскій, между прочимъ, пишетъ: „Вмѣсто того, чтобы быть знаменосцемъ Креста и свободы дѣйствительно

эпоху Николая Павловича нужно искать завершения той злокачественной социальной метаморфозы, которая окончательно превратило большинство русского правительственно-служилого класса в типичных представителей безликой интернациональной сановности и бессословной бюрократии. Теперь, когда процесс разночинно-интеллигентского отпадения от истоков русской культуры достаточно себя обнаружил в откровенном руссобрствѣ, нужно съ особенной ответственностью понимать и помнить, что ему соотносительнъ и процессъ разложения правящихъ верховъ, при чемъ послѣдній, въ известномъ смыслѣ, можетъ быть названъ процессомъ первичнымъ. Пониманіе обусловленности этихъ процессовъ (собственно двухъ аспектовъ одного и того же процесса русского государственно-культурнаго распада) необходимо въ наши дни потому, что отвѣтственность за революцію сплошь и рядомъ слишкомъ легко возлагаютъ на „интеллигенцію“, а „реакція“ очень многими видится какъ возстановленіе поправной „правды“ дореволюціоннаго самодержавія...

Революціонная интеллигенція (народники) отчасти вѣрно усваивала поводы народнаго недовольства. Однако, невозможность для революціонной психологіи пріятія цѣнно-конструктивныхъ началъ народнаго міросозерцанія — до конца опорачивало всю критическую установку и нужное обличительство превращала въ богоборство и въ ненависть къ Россіи. Что же касается правящихъ верховъ, то ихъ нежеланіе понять и опереться на тѣ конкретныя обстоятельства и черты русской государственности, которые единственно и могли служить ея основой, вело къ зарожденію сомнѣній въ правдѣ основныхъ религіозно-государственныхъ принциповъ, помогало встрѣчному пріятію проповѣди нигилизма и богоборчества. Такимъ образомъ, сущностныя цѣнности русской государственной идеи опорачивались изъ-за отсутствія живой критики и реформеннаго почина. Въ то время какъ радикальная интеллигенція клеветала на всѣ самые священные догмы и каноны народной

угнетенныхъ народовъ, мы сдѣлались рыцарями легитимизма, паладинами консерватизма, хранителями священныхъ преданій версальской бонтонности, какъ оно и прилично ученикамъ французскихъ эмигрантовъ“. — Эта „задушная преданность европейскому легитимизму и консерватизму“ реально перемѣстила центръ политической дѣятельности изъ нутра Россіи — въ Европу и конечно, прежде всего, служила политикѣ Меттерниха“.

вѣры и быта, считая ихъ варварствомъ и мракобѣсіемъ, правительствомъ видѣло, ложно и превратно, политическую революцію тамъ, гдѣ были всего лишь народно-бунтарскіе эксцессы, свидѣтельствовавшіе, что массы не въ состояніи освоиться съ различными культурно-государственными нормами жизни. Съ одной стороны, — не было правъ для критики, съ другой — ихъ не хватало для отстаиванія органики. Однако, причина названныхъ выше двухъ видовъ культурной слѣпоты лежала въ одномъ и томъ же: какъ тутъ, такъ и тамъ была утеряна возможность цѣлостнаго пониманія національнаго примитива, въ которомъ положительныя и отрицательныя начала настолько равнозначущи, что безъ равнаго пріятія народныхъ вѣрованій и отрицаній, безъ того, чтобы въ равной мѣрѣ полюбить и возненавидѣть вмѣстѣ съ народомъ — невозможенъ никакой плодотворный подходъ къ нему, и прежде всего неосуществимо плодотворное руководство имъ на путяхъ государственной жизни¹⁾. Этому положенію равно не отвѣчали, какъ установка революціонной интеллигенціи, такъ и установка правящаго класса; не соотвѣтствуютъ они ему и понынѣ въ чудовищномъ народоборчествѣ большевиковъ и въ реставраціонныхъ схемахъ эмигрантскихъ монархистовъ...

3

Для того, чтобы найти жизнеспособный оплотъ русскаго возстановленія, нужно наново вернуться къ творческому усвоенію примитивовъ русскаго бытія. Это прежде всего проблема міросозерцанія, ибо творческій примитивизмъ, во всѣхъ сферахъ и проявленіяхъ человѣческой жизнедѣятельности, есть проэкція, реализація своеобразной установки сознания, при которой вся множественность духовно-психологическихъ явленій человѣческой жизни, вся совокупность жизненныхъ событій и процессовъ — располагается и строится согласно нѣкимъ точнымъ законамъ религіознаго міропониманія, сочетающимъ и сводящимъ въ единую форму познанія перво-

¹⁾ Разумѣется, здѣсь намѣчается лишь самая общая схема русскаго государственно-культурнаго искаженія, которая при детальномъ анализѣ отдельныхъ эпохъ русской исторіи должна быть частично видоизмѣняема применительно къ каждой изъ нихъ и, конечно, при этомъ будетъ значительно усложнена; общій же смыслъ останется тѣмъ же.

сущное, основоположное съ преходящимъ и случайнымъ. Иначе говоря, все жизненно-реальное выводится изъ всеобъемлющаго метафизическаго единства. И, обратно, воспріятіе всей конкретной множественности явленій возводится, какъ бы возвращается, къ непосредственно-цѣлостному касанію самого первопринципа. Такимъ образомъ каждое явленіе словно объемлется нѣкимъ кругомъ, начало и конецъ коего — само жизненное воспріятіе. (Эта особая установка сознанія въ различныхъ сферахъ человѣческаго дѣйствованія и творчества — даетъ многообразно-адекватныя формы воплощеній: въ сферѣ богосознанія — эта установка приводитъ къ внутреннему, закономѣрно-творческому постиженію догматологии и изъ нея вырастающихъ философемъ; въ области церковнаго искусства — она даетъ обоснованіе тѣмъ присущимъ ему внутреннимъ законамъ строенія, которые обуславливаютъ явленіе стилия; въ сферѣ реальной жизни установка на творческой примитивъ даетъ бытъ, какъ стиль жизни и обуславливаетъ способность правильно и закономѣрно квалифицировать со бытія, составляющія основу какъ личнаго, такъ и соборнаго бытія).

Потребность обратиться къ изначальной стройкѣ міросозерцанія для того, чтобы въ немъ почерпнуть смыслъ и волю къ реальному дѣйствованію — въ настоящее время велика и настоятельна. Сами большевики, несмотря на всѣ попытки пресѣчь историческіе корни и традиціи Россіи и умертвить русскій примитивъ и автогенезисъ, помимо личной воли, со всей силой воскрешаютъ религіозно-историческій образъ Россіи, заставляютъ наново прослѣдить и понять всѣ историческіе ряды и цѣпи событій русскаго прошлаго и вдохновиться ихъ первоначалами.

Въ установкѣ на творческой примитивизмъ, являющійся нынѣ въ силу самихъ событій русской катастрофы единственно плодотворной формой міросозерцанія, должны быть выявлены объ его обращенности — въ сторону религіозной первоосновности и государственнаго конструктивизма. Ибо два опыта даны революціей, какъ живыя отраженія первичныхъ надѣленностей Россіи, — опытъ богоборчества и боговидѣнія, и опытъ стихійной смуты, однако, величайшаго государственнаго значенія. — Всячески отвергая вульгарно-расчетливое посягательство на цѣнность вѣры, слѣдуетъ, однако, признать, что сама природа, качество, смыслъ и значеніе событій, пережива-

емых нынѣ, дѣлають необходимымъ пересѣченіе плановъ практической дѣйственности и созерцательной религіозности; современные, каждодневныя явленія выходятъ за строй понятій формальной политики и соціологіи.

Бываютъ эпохи боговоспримчивыя, и бываютъ эпохи глухія. Въ наше время, какъ бы истончились покровы, лежащіе между сферой земной и провиденціальной, и реально чувствуется зависимость міра отъ иноприродныхъ ему силъ. Религіозный опытъ, можно прямо сказать, доступенъ въ наши дни всякому, кто хоть сколько-нибудь пристально оглядывается вокругъ себя. И если европейскій западъ уже не въ силахъ поднять религіозное возрожденіе въ масштабахъ широкаго массового движенія, если самое „стремленіе къ согласію“, повидимому, тамъ исчезло, то тѣмъ неотложнѣе поставляется передъ Россіей задача осознанія своего исключительнаго, полученнаго въ катастрофѣ революціи духовнаго опыта, нахождения для него вѣрныхъ словъ и обращенія въ широкое дѣяніе новой „эпохи вѣры“. Этотъ опытъ заставляетъ прежде всего всѣхъ сколько-нибудь духовно-окрѣпшихъ выйти изъ замкнутаго круга лично-интимнаго боговоспріятія въ сферу общей религіозной дѣйственности. Одно лишь наростаніе примитивно-религіозной стихіи исповѣдническихъ силъ, которыми строится мета-исторія, пластически воплощаясь въ образахъ и событіяхъ, въ коихъ чудесное и благодатное неразрывно связуется съ простымъ и реальнымъ, — можетъ обусловить средоточіе воли, нужной для преодоленія революціи и вытравленія всего ея зла...

Русское православіе всегда тяготѣло къ внѣшне-вещественному самораскрытію, не получая, однако, въ этомъ смыслѣ культурно-сознательной санкціи. Наоборотъ, русское просвѣтительство всячески боролось и уличало обрядовѣріе и ритуальныя „излишества“ русскаго бытостроительства. Но теперь съ полной ясностью опредѣлилась вся роковая опасность безликой, аморфной и антипластичной цивилизаціи, которая неминуемо ведетъ ко всеобщей дезинтеграціи, являющейся основной базой религіознаго бездушія и новаго иконоборчества. Поэтому передъ русскими богословіей и философій культуры (въ русскомъ духовномъ типѣ обѣ эти дисциплины въ своихъ первоисточникахъ особенно близки другъ другу), наряду съ усиленіемъ богословско-спекулятивнаго интеллекта, встаетъ особая задача раскрытія законовъ конкретной реализаціи религіознаго

опыта, а въ связи съ этимъ и оправданіе т. наз. религіознаго матеріализма русскаго православія и обоснованіе его внутренняго смысла и соціального значенія (благаго прагматизма).

Въ непосредственной связи съ этимъ стоитъ проблема православно-русскаго церковнаго стиля. Въ церковномъ творчествѣ, стиль не является только художественной сноровкой и манерой, часто являющимися разновидностью психологизма на почвѣ искусства, а оказывается критеріемъ и признакомъ глубинно-внутренней слаженности истинныхъ первоосновъ міросозерцанія съ формально-адекватной ихъ реализаціей. Это укорененіе стиля въ самомъ церковномъ первопринципѣ и обусловливаетъ вѣрный и неложный подъемъ — возростаніе черезъ него къ воспріятію религіозной тайны, гарантируя отъ всякихъ внутреннихъ искаженій и прѣлестныхъ иллюзій. Вслѣдствіе этого, подлинный церковный стиль можетъ стать всестороннимъ факторомъ очищенія, объединенія и устроенія (что показали въ свое время монастыри). Въ нашу эпоху величайшаго соціально-церковнаго упадка, обращеніе къ стилистическимъ закономерностямъ религіознаго творчества можетъ и должно стать одной изъ силъ для всесторонней самопровѣрки и широкаго уясненія сущности церкви.

Обращенность русской интеллигенціи къ цѣнностямъ православія все еще носить характеръ неформленнаго религіознаго возбужденія, часто впадающаго въ соблазны либо религіознаго панъ-эмоціонализма, латинофильства, либо неошлейермахіанства. Между тѣмъ, лишь православный вѣроисповѣдныи прагматизмъ, широко и всесторонне понятый, можетъ стать дисциплинирующимъ и строящимъ принципомъ русскаго духовнаго возстановленія. Еще Гоголь требовалъ, чтобы Россія была „нашимъ монастыремъ“, звалъ къ строгому подвигу, почти-что монашескому для „подвизанія въ ней“. А насколько теперешняя русская дѣйствительность, когда явью стали всѣ гоголевскіе фантомы, требуетъ еще бѣльшаго самопожертвованія и суровой духовно-волевой выправки!

Также и традиція русскаго богословія должна укрѣпиться въ наше время смятеній и соблазновъ гностическаго самоволія на правильныхъ путяхъ сочетанія духовности, уставности и пользы (православно-церковнаго прагматизма¹).

¹) Нужно имѣть въ виду, что системное богословіе до послѣдняго времени входило лишь какъ часть въ общую концепцію русскаго богосознанія,

О томъ, что духовно-идейное самовозстановленіе интеллигенціи невозможно безъ дисциплинирующаго плотнаго прилеганія къ церкви, что только это прилеганіе можетъ спасти нынѣшнее религіозное движеніе отъ узкаго самозамыканія и поставить на путь подлинно-національнаго движенія — свидѣтельствуеъ вся неудача русскаго предреволюціоннаго „возрожденія“. Уже послѣ революціи 1905 года намѣтилось въ русской общественной мысли широкая идеологическая смѣна. „Нигилистическій материализмъ“ и воинствующій материализмъ были осуждены, и вмѣсто нихъ, выражаясь формулами изъ „Вѣхъ“, раздались призывы къ „конкретному идеализму“ и „религіозному гуманизму“. И еще до формулировокъ, данныхъ „Вѣхами“ — 90-ые и 900-ые годы прошли въ Россіи, какъ и на Западѣ, подъ знакомъ религіозныхъ томленій и символистической настроенности. Это предвареніе новыхъ общественно-экономическихъ идеаловъ — религіозно-романтической реакціей на шестидесятичество (предвареніе „Вѣхъ“ — Вл. Соловьевымъ), для русской культуры было явленіемъ очень показательнымъ. Однако, сколь ни радикальной казалась общая смѣна направленій, она на дѣлѣ

главными и непосредственными органами и источниками котораго являлись церковно-соборная литургия, бытъ, мудрость старчества и агиографическая литература. Это явленіе, конечно, не случайное, а глубоко характеризующее русскій духовный типъ и самое структуру русскаго богосознанія.

Элементы системнаго богословія можно найти уже въ посланіяхъ преп. Феодосія Печерскаго и у Іосифа Волоколамскаго, инока Филовея, м. Данила, Дмитрія Ростовскаго и въ Кіево-Могилянскои школѣ; но не менѣе важно и древнее „бытовое богословіе“, выразившееся, напр., въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ Стоглава, Домостроѣ, Писаніяхъ Іоанна Грознаго и многихъ кодификаціонныхъ памятникахъ, въ коихъ начала добротолубія (филокаліи) находятъ себѣ порою удивительную образность и реально-жизненную выразительность. Кромѣ того вся трагическая эпопея раскола и старовѣрія являеъ собою живую картину „бытоваго богословія“, реальныхъ исповѣдническихъ переживаній, укорененныхъ въ глубинѣ специфическаго религіознаго опыта и богосознанія. Въ этомъ отношеніи интересны и замѣчательныя писанія о расколѣ, начиная отъ Протопопа Аввакума и кончая бр. Денисо-

Начало русскаго системнаго богословія положено, конечно, Хомяковымъ, справедливо названнымъ Ю. Самаринымъ — „учителемъ церкви“, и къ его традиціи слѣдуетъ въ наше время вернуться, для того чтобы найти вѣрный путь между соблазнами латинской „мистагогіи“ съ одной стороны, и богословской „методологіи“ протестанства — съ другой.

не смогла повліять на широкий ходъ развивавшихся событій и, несмотря на „обновленные идеалы“, вторая революція прорвалась и проходить подъ фанатическимъ водительствоиъ отжившихъ принциповъ воинствующаго матеріалізма.

Предреволюціонная Россія нуждалась въ широкомъ конструктивно-общественномъ движеніи, которое бы своимъ идейнымъ содержаніемъ и предметной воленарправленностью захватило бы самую толщу омертвѣвшей обывательщины и, выводя въ тоже время воспаленное интеллигентское сознаніе изъ круга революціонной идеализаціи, сумѣло-бы поставить передъ ними проблемы будущаго въ аспектъ творческой національной работы и самопознанія.

Къ несчастью, однако, религіозное и идейно-общественное „возрожденіе“ 90-хъ и 900-хъ годовъ не было обращено въ широкую общенациональную работу, не стало заданіемъ эпохи и оказалось значущимъ лишь въ ограниченной средѣ интеллигенціи, переживавшей свой внутренній кризисъ. Причины этого лежали прежде всего въ томъ, что новая традиція русскаго мистицизма и романтизма, въ силу своего первоначальнаго субстрата (соловьевщина), очень скоро начала распадаться и создала въ послѣдующемъ поколѣннн рядъ болѣзненныхъ и противорѣчивыхъ явленій, при чемъ общая смятенность и растерянность эпохи дѣлали эти явленія сплошь и рядомъ даже враждебными цѣнностямъ русскаго церкви и государственности. Достаточно вспомнить, насколько слѣпы и тенденціозны были всѣ сужденія о мистическомъ хлыстовствѣ, сектантствѣ, какъ уродливы были попытки создать синтезъ религіозно-мистическихъ суррогатовъ съ боевымъ соціально-революціонерствомъ, какъ легко принимались пошлые мистагогическія проповѣди, „мистическій анархизмъ“, эстетическій мистицизмъ и воспаленная мистолалія за подлинную религіозную просвѣтленность! Лишь окончательною погруженностью въ бредовую мистифицирующую романтику можно себѣ объяснить судорожное пріятіе нѣкоторою частью не-матеріалистически настроенной интеллигенціи лже-героическаго паѳоса революціи. Въ этомъ раскрылось все внутреннее сродство революціонной романтики съ псевдо-религіознымъ, внѣцерковнымъ „богоискательствомъ“, одноприродность ихъ воспаленно-безплодной эмоціональности. ¹⁾

¹⁾ Характернымъ явленіемъ для помраченной и болѣзненной эпохи 900 гг. была яркая личность нынѣ совсѣмъ забытаго архим. Серапіона Машкина.

Если учитывать этот процесс духовнаго помраченія интеллигенціи наряду съ разложениемъ правящихъ верховъ, то становится ясною вся обстановка, при которой революціи ничего не стоило воспользоваться подходящимъ моментомъ для того, чтобы безъ всякихъ затрудненій вернуть Россію къ идеологическому атавизму Михайловскаго, Чернышевскаго, Добролюбова и пр. Нужно вѣрить, что послѣ всего случившагося, вмѣстѣ съ отвращеніемъ къ „революціонному идеализму“ будетъ навсегда брошена и недавняя, еще не изжитая традиція мистическаго импрессионизма, и современныя поколѣнія вернутся къ устоямъ Хомякова, въ сферу подлиннаго богосознанія, утверждающагося и строящагося на оси церковно-догматическаго реализма¹⁾.

Лишь эта установка, смѣняющая антирелигіозное отношеніе къ догматикѣ, какъ къ схоластически-систематизированной фикціи и замѣняющая ее органическимъ пониманіемъ христіанской догматологіи, одновременно какъ все-метода человѣческаго вѣдѣнія и какъ его благодатнаго предѣла и нормы и вскрывающая при этомъ всю таинственную закономерность міра и его процессовъ, можетъ привести къ проблемѣ подлиннаго идеаль-прагматизма во всей его объ-

Будучи экзальтированнымъ мистикомъ, аскетомъ, активнымъ исповѣдникомъ и творчески сильнымъ богословомъ, онъ въ то же время, проповѣдая объ „общинахъ справедливыхъ тружениковъ“ и „кружкѣ справедливыхъ“, называлъ социаль-демократовъ — братьями во всемъ мірѣ и открыто оправдывалъ идею справедливаго террора, что отождествлялось у него съ краснымъ терроромъ. Интересно, что революціонно-марксистскіе круги съ благожелательностью, и не безъ основанія, противопоставляли активный „подвижническій“ мистицизмъ С. Машкина — „кабинетно-салонной“, „словесной мистикѣ“ — Чулкова, В. Иванова, Мережковскаго и другихъ мистиковъ — „модернистовъ“

1) Порою западаетъ даже кощунственная, можетъ быть, мысль, что христіанство вызываетъ по отношенію къ себѣ такое страшное противоборство вслѣдствіе того, что въ немъ слишкомъ много дано и раскрыто, что человѣческая психика и сознаніе безъ добровольнаго и сознательно-предрасположеннаго искуса, не въ силахъ просто выдержать такую степень обнаженія трансцендентной реальности. Труднѣе повѣрить въ реальное чудо, нежели въ отвлеченно-раціональную схему или утопію. Именно поэтому придаютъ христіанство такое значеніе покаянію и общей душевной благообразности, безъ коихъ обнаженіе Тайны дѣлается невыносимымъ, ожесточающимъ соблазномъ. „Богъ свѣтъ есть и сообщаетъ о свѣтлости Своей тѣмъ, съ коими соединяется по мѣрѣ очищенія ихъ“ (Преп. Симеонъ Нов. Богосл. Слово 25-ое).

емлемости и всеобращенности, а въ качествѣ одной изъ частныхъ — къ построению системы формальной социологии и нахождению путей и нормъ для установления новой системы будущей общественной жизни. Именно русскій революціонный опытъ понуждаетъ отрѣшиться въ данномъ случаѣ отъ всѣхъ лжеэтическихъ и политическихъ предубѣждений и вооружиться методомъ строго эмпирическимъ, отдѣляя такимъ образомъ область матеріальной отъ психологическихкихъ соблазновъ, съ тѣмъ, чтобы намѣтить единые законы для духа и плоти.

Соціально-экономическій идеализмъ русскаго ренессанса 900-хъ годовъ, возникшій въ качествѣ реакціи на ортодоксальный марксизмъ, по существу не связывалъ себя съ религіозно-мистическими идеями своей поры, базируясь на автономныхъ принципахъ идеалистическаго гуманизма. Такимъ образомъ славянофильская попытка синтетической постановки религіозно-исторіософской и соціально-политической проблемы была окончательно забыта и частью выродилась¹⁾.

Теперь событія показали, насколько русскому сознанию и исторической реальности чужды отъединенно-автономныя постановки частичныхъ и частныхъ проблемъ, внѣ координаціи ихъ съ основными магистралями русскаго бытія. Русскій большевизмъ постольку именно и націоналенъ, поскольку онъ обнаруживаетъ въ искаженномъ, правда, видѣ, но въ небывалыхъ размѣрахъ, національную потребность русскаго народа ставить проблемы своего бытія въ предѣльной заостренности и всесторонней цѣлостности. Теперь, конечно, бесполезно гадать, что произошло-бы въ случаѣ болѣе близкаго взаимоотношенія и взаимовліянія двухъ основныхъ теченій русскаго предреволюціоннаго сознания, опредѣлявшихъ одно — Вл. Соловьевымъ, другое — П. Струве. Предполагать, что обстоятельства могли бы измѣниться въ положительномъ смыслѣ врядъ ли приходится, т. к. въ мистонимическихкихъ концепціяхъ Вл. Соловьева, почерпавшаго порою паюосъ своего творчества въ сознатель-

---

¹⁾ Съ полной основательностью критикуя въ настоящее время различныя соціально-хозяйственныя концепціи славянофиловъ, слѣдуетъ, однако, неизмѣнно понимать всю значительность ихъ основнаго замысла, заключавашагося въ обрѣтении русскаго синтетическаго міросозерцанія, которое давало бы возможность весь практически-дѣйственный распорядокъ государства и общества координировать съ онтологически-первоосновнымъ бытіемъ русской вѣры.

ной самосвязанности определенными закономерностями, коренящимися в глубоко-чуждой православию стихии — было много неприемлемого для русского национального правовѣрія, что сказалося и в творчествѣ нѣкоторыхъ изъ его эпигоновъ. Однако, это само по себѣ не снимаетъ ответственности съ руководителей новыхъ социально-экономическихъ теченій того времени, не понявшихъ всей необходимости, наряду съ формальной критикой марксизма, противопоставить социалистической жеронтологии систему первоосновныхъ цѣнностей национально-органическаго міросозерцанія. Патриотическій паѳосъ вь данномъ случаѣ былъ далеко не достаточень... Тѣнь Вл. Соловьева, налегавшая на возрождающееся религиозное сознание интеллигенціи и фактъ П. Струве, возлѣ котораго сосредотачивался съ наибольшею яркостью новый паѳосъ общественно-патриотическаго чувства, какъ явленія русской культуры, призванныя опредѣлить вь предбольшевицкія десятилѣтія міросозерцательное обновленіе русскихъ широкихъ круговъ—оказались одинаково несчастливыми. И эта несчастливость — симптоматична: вь сферѣ русской духовной жизни чуждые онтологическіе элементы (каковыя, несомнѣнно, наличествовали вь философіи Вл. Соловьева, — латинство) всегда оказывались сугубо вредоносными, разлагая окружающую культурную среду иноприродностью своего начала; и внѣ органическаго связи съ глубочайшими основами православнаго бытія и его исторіософіей немислима ни русская „Patriotica“, ни „Великая Россія“...¹⁾

¹⁾ При попыткѣ обозначить основныя теченія вь русской предреволюціонной общественности, встаетъ, между прочимъ, и фактъ „кадетства“. Сколь ни велика была его роль за весь промежутокъ времени отъ первой до второй революціи, внутренне можно было бы охарактеризовать кадетскую дѣятельность, какъ „политическое эстетство“. Будучи лишена существенныхъ религиозныхъ и органическихъ корней, и не имѣя чувства русской реально-хозяйственной и національной стихии, „кадетская“ партія цѣлкомъ опредѣлялась политическимъ формализмомъ и тенденціями къ просвѣщенно-западническаго „благопристойности“ (англоманствомъ), при чемъ объединяла она вокругъ себя большое количество квалифицированныхъ людей не внутренне-сильными тяготѣніями, а признакомъ нѣ котораго специфическаго „хорошаго тона“, что было вполнѣ естественно и вь извѣстной мѣрѣ даже законно при уродствѣ и безстийности тогдашняго правительства. Однако, „кадетскій ренессансъ“ русской общественности и его стиль политическаго снобизма очень скоро обнаружили всю свою призрачность и оторванность отъ организма Россіи и существенное непониманіе закономерностей его бытія. Характерно, съ какою готовностью „кадеты“ ушли отъ власти...

Теперь, послѣ революціи — возстановленіе цѣлостной міросозерцательной концепціи, соединяющей въ себѣ какъ религіозно-культурную проблематику, такъ и идеи формальной социологіи — является насущной потребностью. Реальное государственное дѣло должно быть заключено въ цѣпь широкаго культурно-идеологическаго движенія. Политика и экономика должны связаться въ наши дни съ религіозно-культурной символикой и исторіософіей; и эта символика и исторіософія должны создать въ нихъ въ многомѣрномъ охватѣ событій — нужныя пластическія формы и образы. Между тѣмъ, какъ разъ политика, равно „правыхъ“ и „лѣвыхъ“, необычайно скудна разумніемъ задачъ, стоящихъ передъ нею. Именно, потому что вся зарубежная противосовѣтская политика, идя самочинно избранными путями, все болѣе выпадаетъ изъ теченій русской культуры, въ ея пониманіи событій и всяческихъ прогнозахъ вовсе исчезаетъ истинный смыслъ, масштабы и ритмъ происходящаго. Есть, повидимому, какая-то степень смѣщенности духовнаго видѣнія, психологическаго искаженія и ошибочности самихъ познавательныхъ методовъ, которая и не позволяетъ дѣйствовавшимъ доселѣ кругамъ эмиграціи найти установку на самую историческую сущность русской революціи, а безъ этого вѣдь немислимо построеніе системы политическихъ дѣйствій. Въ этомъ смыслѣ какъ „правые“, такъ и „лѣвые“ въ одинаковомъ положеніи, и это очень знаменательно.

Такъ случилось, таковы были историческія условія русской жизни, что понятія консерватизма и либеральности никогда не были въ Россіи лишь формально прикладными категоріями. Наоборотъ, въ лицѣ правительственнаго консерватизма, имѣвшаго въ предѣлѣ безразсудное, потерявшее всякое чутье дѣйствительности бюрократическое очерственіе и предреволюціонное „черносотенное“ молодечество и въ лицѣ всѣхъ разновидностей специфически-либеральныхъ теченій, въ лонѣ которыхъ, конечно, и создавалась постепенно Р. К. П. — всегда какъ будто-бы боролись два типа міросозерцанія. Обычно ихъ считаютъ полярно-противоположными, упуская изъ виду, что оба они лишь двѣ разностороннихъ проэкціи одной и той же сущности — русскаго нигилизма. Нигилизмъ этотъ, являющійся внутренней основой страшнаго типа русской духовной полуразвитости, имѣющей свои выраженія на всѣхъ ступеняхъ русской социальной среды, издавна считая

себя началомъ всеотрицанія, практически сводился, да и про-
должаетъ сводиться къ кощунственному посягательству на
іерархическую структуру органическаго міросозерцанія и къ
установленію самочинныхъ объектовъ лже-обоженія. Нарушеніе
іерархическаго принципа, безусловно характеризующее все дѣло
русскихъ революціонеровъ, бывало по временамъ тяжкимъ
грѣхомъ и императорскаго охраненія. Съ особенной яркостью
это сказалось въ предреволюціонную эпоху разложенія власти.
Въ противоположность революціонному радикализму, который
съ каждымъ поколѣніемъ все „совершенствовалъ“ свои ме-
тоды и идеологическую демагогію, правительственный консер-
ватизмъ съ теченіемъ времени неуклонно разлагался, что рас-
крывалось въ рядѣ его противоестественныхъ сращеній и со-
четаній съ различными идейными и тактическими элементами,
часто не сродными между собою и даже ему враждебными.
Это обстоятельство чрезвычайно замутнило субстратъ, питавшій
и питающій русское религіозно - охранительное сознаніе. Съ
другой стороны, въ средѣ русской общественности сплошь и
рядомъ подѣ видомъ консерватизма и послѣдовательной реак-
ціонности были ненавидимы и ненавидятся высшія цѣнности
русскаго духа и культуры, съ которыми упадочный режимъ
послѣдняго періода императорской Россіи лишь неправомѣрно
отожествлялъ себя изъ расчета и политики. Въ дѣятельности
доживающихъ представителей этого режима, подобное отожд-
ествленіе, и по сіе время продолжаетъ быть элементар-
ной основой тактики и пропаганды. Нынѣ предстоитъ больша-
я и отвѣтственная работа по расщепленію и разъединенію
этихъ противозаконныхъ сращеній и по опредѣленію до конца
существа и состава, какъ „русскаго либерализма“, такъ и
„русскаго официальнаго консерватизма“. Необходимо выяс-
нить ихъ взаимоотношеніе, какъ въ историко-генетическомъ,
такъ и въ систематическомъ аспектахъ къ другъ другу и ихъ
обонихъ къ дѣйствительной религіозно-національной стихіи Рос-
сіи. Тогда, быть можетъ, обычный признакъ противопостав-
ленности этихъ двухъ типовъ міросозерцанія окончательно за-
мѣнится признакомъ ихъ соотносительности.

До тѣхъ поръ истинное положеніе вещей будетъ, какъ для
„правыхъ“, такъ и для „лѣвыхъ“ оставаться въ сущности не-
понятнымъ, покуда первые не порвутъ, наконецъ, съ методомъ
опорачиванія высшихъ цѣнностей и не признають примата ре-

лигіи, церкви и національно-исторической воли надъ принципами организаціи власти и политическаго строя, т. е. не отойдутъ отъ своего реакціоннаго нигилизма, а вторые, со своей стороны, не увидятъ и не примутъ всего непреходящаго существа русскаго положительнаго міросозерцанія. Лишь въ этой обоюдной метаморфозѣ можно обрѣсти основаніе для соціально-партіяннаго замиренія, столь нужнаго для будущей русской государственности. Но ей, пока что, противорѣчатъ, какъ упорство соціалистическихъ круговъ, сознательно не жалающихъ порвать съ міросозерцательными основами своихъ формальныхъ соціологическихъ положеній, — такъ и косность правыхъ теченій, попрежнему руководствующихся въ своихъ реставраціонныхъ планахъ — лжеподобіемъ охраненія — правымъ антиіерархическимъ самочинствомъ, что ведетъ къ полному упаденію этихъ теченій изъ строя дѣйствительной культуры, и обусловливаетъ ихъ враждебность къ ней.

Послѣднія обстоятельства особенно ясно подчеркиваютъ непоправимый кризисъ бывшаго правящаго класса. Опираясь, съ одной стороны, на православіе, пытаюсь сдѣлать изъ усилившагося религіознаго движенія — духовный оплотъ реакціи и опираясь на него, какъ на примитивъ русской исторіи, — реставраціонный легитимизмъ, распадающійся уже на нѣсколько толковъ, въ то же время, въ сферѣ политической, соответствующаго возвращенія къ примитиву народно-госудаственнаго творчества вовсе не желаетъ, а наоборотъ, пытается возможно скорѣе подставить готовые формальныя схемы тамъ, гдѣ должна быть поставлена п р о б л е м а власти и государствоустроенія во всемъ ея объемѣ и творческой непосредственности. Моментъ легитимизма, самъ по себѣ м. б. и неоспоримый въ идейно-практической концепціи монархіи — въ современныхъ условіяхъ Россіи является лишь мертвой, но въ то же время и вызывающей формулой. Кризисъ русскаго монархизма очень глубокъ; онъ связанъ, какъ съ помутнѣніемъ самой монархической идеи въ широкихъ массахъ, такъ и съ лично-общественнымъ разложеніемъ недавнихъ носителей верховной власти, выпавшихъ изъ сферы русской культуры, а также круговъ близъ нихъ стоявшихъ и сообщавшихъ власти ея внѣшнее обличіе и внушавшихъ основные принципы правленія. Нынѣ съ особенной остротой предстаетъ въ памяти и уясняется вся ложность и болѣзненное вырожденіе официальнаго стиля предре-

волюціонной эпохи и всего круга ея понятій, идей и представлений.

Кромѣ того слѣдуетъ всегда помнить, что абсолютированіе условнаго и конечнаго приводитъ неизмѣнно къ обезцѣнванію и того цѣннаго, что въ нихъ содержится. Въ общей іерархіи духовно-историческихъ цѣнностей народа, принципъ и фактъ власти — являются, конечно, цѣнностями подчиненными, — серединными. Къ этому основному положенію, въ обстановкѣ современной русской дѣйствительности присоединяется еще и цѣлый рядъ реальныхъ условий и обстоятельствъ: абсолютизація династическаго легитимизма опрокидывается историческимъ фактомъ революціи, коимъ уничтожены всѣ конкретныя условія и соціально-юридическая структура прежней власти, причеиъ нельзя не увидѣть въ самой революціи тяжкаго обличенія прямыхъ носителей этой власти, какъ въ поколѣніяхъ непосредственно застигнутыхъ катастрофой, такъ и въ основныхъ правительственныхъ установкахъ прошлаго.

Для всякаго вѣрующаго въ монархическія силы русскаго народа и при этомъ трезво учитывающаго всю коренную перестройку современной русской соціальной среды, единственно-цѣлесообразнымъ заданіемъ могло бы стать, наряду съ полнымъ отмежеваніемъ отъ замысловъ реставраціи, — сознательная выработка тѣхъ религіозно-правовыхъ нормъ, пріуготовленіе того духовно-психологическаго строя, которые, будучи поставлены лицомъ къ лицу съ монархической волей народа, были бы въ силахъ разрѣшить проблему русскаго царства во всей широтѣ, обновленности и исторической реальности, т. е. путемъ поднятія и утвержденія н о в о й д и н а с т і и, какъ живого закрѣпленія всѣхъ творческихъ достиженій новой эпохи. Сознательный актъ избранія реально запечатлѣвалъ-бы глубинное обновленіе соціально-государственнаго уклада Россіи и погашалъ бы всѣ традиции, связи и стиль дореволюціонной монархіи, не сумѣвшей утвердиться въ нужномъ и должномъ и павшей отъ пріятія въ себя немощи и болѣзней своихъ же враговъ. Кромѣ того, это открывало бы возможность для созданія новой идеи и новаго облика русскаго царя...

Говоря о возстановленіи возглавляющаго верховенства власти, нужно относиться съ большою осторожностью къ идеализаціи той формы ея возстановленія, которая называется „бонапартизмомъ“. Въ существѣ своемъ „бонапартизмъ“ не

есть преодоленіе революціи и тѣмъ болѣе не есть ея отрицаніе; онъ сознательно продолжаетъ быть революціей, но лишь трансформировавшейся и приспособившейся къ нуждамъ государственности. Русская революція есть прежде всего самообличеніе, катастрофическое вскрытіе самыхъ глубинъ культурно - государственной неправды европеизированной Россіи. Поэтому выходъ изъ революціи долженъ быть найденъ въ коренномъ отрицаніи всего того, что къ ней привело. Сама по себѣ революція есть зло и кромѣ того симптомъ зла, зла внутренняго и прошлаго, ее породившаго — на основаніи котораго дана возможность ставить діагнозъ. Поэтому преодоленіе революціи должно заключаться прежде всего въ устраненіи истоковъ и первопричинъ, вызвавшихъ къ бытію этотъ симптомъ. „Избраніе“, мыслимое какъ итогъ революціи, вмѣщающій въ себѣ весь ея опытъ, творческія силы возстановленія и признаніе всего новаго соціально - экономическаго переустройства, въ то же время являлось бы и выходомъ изъ революціи, конкретнымъ символомъ отказа отъ ея духовно-идеологическихъ основаній, реальнымъ признакомъ начала новыхъ временъ. Въ самочинномъ самовозглавленіи бонапартизма, конечно, этого выхода изъ сферы революціи быть не можетъ, такъ какъ только въ своей связанности съ идеями, эмоціональностью и методами революціи онъ и обрѣтаетъ свою устойчивость. Если принять во вниманіе, что „реставрація“ настолько же связана съ психологіей дореволюціоннаго декаданса, насколько „бонапартизмъ“ опредѣляется сущностью революціи, то, въ виду явной необходимости радикальнаго отказа отъ нихъ обѣихъ „избраніе“ выступаетъ наряду съ „легитимизмомъ“ и „бонапартизмомъ“, какъ третій и быть можетъ единственно желательный принципъ верховнаго возстановленія власти, въ коемъ могли бы быть заключены дѣйствительно новые и творческіе возможности властеустройства...¹⁾

Поскольку въ такомъ именно видѣ проблема русской монархіи никѣмъ изъ „правыхъ“ не ставится, можно сказать, что всѣ монархическія теченія, равно какъ и соціаль-либеральныя

1) Внутреннее различеніе этихъ трехъ принциповъ — интересно, прежде всего, съ точки зрѣнія методологической. Само собою разумѣется, что реальные обстоятельства, если бы событія повернули Россію въ сторону монархіи, могутъ сочетать и видоизмѣнить два послѣднихъ принципа самымъ неожиданнымъ образомъ.

проповѣди, являются лишь дурными реминесценціями, мѣшающими свободному усвоенію смысла всего происходящаго. Конечно, проще и душевно спокойнѣе цѣликомъ отдаваться какой либо очередной самовнушенной вѣрѣ и, не желая видѣть реальной обстановки, изъ года въ годъ питать себя, то одними, то другими судорожными надеждами и утѣшать призрачнымъ будущимъ. Но сколько нибудь непомраченное видѣніе русской исторической перспективы рѣшительно удерживаетъ отъ подобнаго самочиннаго анти-историческаго подхода къ событіямъ. Если Россіи суждено великое будущее, то оно заключено, прежде всего въ трудномъ и творческомъ искусствѣ органическаго преодоленія революціи. Люди бывшаго правящаго класса и круги оппозиціонной интеллигенціи къ такому преодолѣнію неспособны, ибо они исторически между собою связаны длительной и нелѣпой борьбой власти и революціи и нынѣ ею уничтожающе уличены. Эта тяжкая взаимообусловленность въ прошломъ и настоящимъ не позволяетъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, безъ предубѣжденій понять свои ошибки и пойти съ разныхъ сторонъ къ одной цѣли — возстановленію русской государственности. Память о недавнемъ прошломъ настолько мучительна, что она не можетъ быть изжита въ ближайшихъ поколѣніяхъ; и поистинѣ безчеловѣчно и въ то же время безразсудно послѣ всего случившагося звать, требовать и внушать, чтобы Россія не только забыла и простила это прошлое, но и вдохновилась имъ, и наново возстановила руководящее право хотя бы одного лица, связаннаго съ нимъ.

Видимо, будущее должно основываться на новыхъ поколѣніяхъ, на новыхъ людяхъ, не связанныхъ въ столь прямомъ отношеніи съ завязью революціи и потому, быть можетъ, могущихъ лучше понять формы ея преодоленія и развязки. Однако, не нужно упускать изъ виду, что „новыя“ поколѣнія, какъ въ Россіи, такъ и въ эмиграціи, находятся въ тяжкомъ кризисѣ, либо болѣзненно преодолевая яды революціи, либо окончательно имъ поддаваясь. Если въ практическомъ планѣ какой то качественный отборъ въ Россіи и произошелъ (въ смыслѣ выдѣленія новыхъ социальнo-хозяйственныхъ и административныхъ силъ), то аналогичнаго процесса кристаллизаціи въ сферѣ духовно-идеологической до сихъ поръ не наблюдается. Это обстоятельство съ особой настоятельностью понуждаетъ сдѣлать все возможное, чтобы раскрыть глаза всѣмъ отобравшимся

и выбившимся на поверхность жизни „новым“ русским людям, указавъ имъ, что понятіе революціоннаго обновленія имѣетъ свои, и очень тѣсныя, границы, за которыми начинается пагубное разложеніе и національная смерть. Если коммунистическій фанатизмъ въ началѣ революціи безсознательно воспринимался народными массами, какъ средство, какъ энергія для осуществленія соціально-аграрнаго переворота, слѣдуетъ же понять, что въ настоящее время этотъ фанатизмъ сталъ чудовищной самоцѣлью — и это должно быть понято прежде всего тѣми, которымъ революція хоть что нибудь реально дала. Поскольку въ Россіи уже появились, хотя бы въ зачаточномъ видѣ, элементы новаго отбора правящихъ, участники этого процесса должны понять и поймутъ, что новое положеніе, которое они заняли, обязываетъ ихъ принять на себя и отвѣтственность передъ историческими судьбами своего народа, обязываетъ съ новыми силами понять тѣ историческія догмы Россіи, которыя были забыты и искажены прежними руководителями государственно-общественной жизни.

Революція окончательно смяла (и безъ того давно нарушенную) нормальную преемственность въ смѣнѣ культурно-ведущихъ поколѣній Россіи. Въ настоящее время ею руководятъ, съ одной стороны — идеологическіе праотцы, съ другой же — революціонные юнцы. Между тѣмъ, заложить прочную основу для установленія новаго культурнаго преемства, изъ нынѣ живущихъ русскихъ людей, можетъ только то поколѣніе, въ сознаніи и опытѣ котораго, — память о дореволюціонномъ прошломъ, сознательное переживаніе революціи и обращенность въ будущее — сложатся въ какомъ то нужномъ и точномъ сочетаніи, распредѣлятся въ какой то исключительно эффективной пропорціи¹⁾.

Отъ этого же обстоятельства зависитъ, въ конечномъ счетѣ, и вся удача преодоленія революціи, и, если бы прихотью обстоятельствъ, послѣ-большевицкая общественная реакція стала-бы возглавляться такими поколѣніями, въ сознаніи которыхъ сочетаніе указанныхъ моментовъ не приводило бы къ нужному синтезу (въ виду чрезмѣрной связанности съ прошлымъ, или же изъ-за полной оторванности отъ него), то органиче-

¹⁾ Отборъ, какъ изъ среды указаннаго поколѣнія, такъ и изъ смежныхъ съ нимъ при этомъ, конечно, не отрицается.

скому оздоровленію и выпрямленію надломленной русской жизни угрожала бы новая опасность.

Не слабые и запуганные русскіе люди свергали татарское иго; затравленная Русь перваго вѣка порабожденія была не въ силахъ сдѣлать то, что сдѣлали духовно-окрѣпшія и получившія устойчивость ея позднѣйшія поколѣнія. Внутреннее иго революціи можетъ быть свергнуто, конечно, скорѣе, чѣмъ иноплеменное. Но и въ наше время, какъ въ 14—15 вѣкахъ, Россія будетъ освобождена лишь новыми людьми, для коихъ не будетъ существовать гипноза революціоннаго страха, но при условіи, однако, что и духовная ихъ сила будетъ подобна силѣ великихъ историческихъ вѣковъ прошлаго.

Идея русскаго историческаго піонерства, совпадающая въ наше время съ обращеніемъ Россіи на Востокъ (ибо только въ этомъ поворотѣ достижимо дѣйственное отмежеваніе отъ духовной и этнографической опустошенности Европы), должна стать основной вдохновляющей силой для новыхъ по-революціонныхъ поколѣній. Чтобы надломить революцію достаточно просвѣтленія основного меньшинства русскаго народа. А въ дальнѣйшемъ, исцѣленіе можетъ стать такимъ же стихійнымъ, какимъ былъ срывъ въ бездну революціи. Не слѣдуетъ, однако, создавать себѣ и ложныхъ представлений: распадъ и развращенность современныхъ большевицкихъ поколѣній, конечно, глубоко и зловреденъ. Поэтому въ будущемъ предстоитъ и принудительно-властное возстановленіе опороченныхъ основъ русской жизни, волевымъ выпрямленіе ея перебитаго хребта. Но принудительное исцѣленіе русской души можетъ имѣть успѣхъ лишь при условіи точнаго пониманія и вѣрнаго нахождения основныхъ историческихъ тяготѣній новой Россіи; ибо въ противномъ случаѣ не исключена возможность повторенія неудачи бѣлаго движенія, не исключена возможность того, что стихійный потокъ жизни еще разъ прорветъ ошибочно поставленныя загражденія и плотины и разольется новымъ опустошающимъ наводненіемъ...

Замысль и заданія будущей русской реакціи трудны именно потому, что въ нихъ должны сочетаться, гибко и органично, начало новаго непреклоннаго охраненія съ широкой перспективой соціально-либеральнаго прагматизма. Этотъ замысль, эта композиція должны быть отчетливо поставлены передъ народнымъ сознаніемъ,

вѣрно имъ ухвачены и поняты, иначе событія противобольше-
вицкой реакціи могутъ вылиться въ анархическія качанія и пе-
ребои, а желанное государственное равновѣсіе наступитъ лишь
послѣ тревожныхъ лѣтъ новой междоусобицы, при чемъ формы
его могутъ оказаться самыми неожиданными и неприемлемыми.

На основаніи новаго, культурно-насыщенного, многообъемлю-
щаго комплекса опытныхъ данныхъ, идей и положеній, слѣдуетъ
съ полной отвѣтственностью произвести транскрипцію слож-
наго въ простое и вывести простую, отчетливую міросозерца-
тельно-тактическую схему, могущую стать широко организую-
щимъ, отбирающимъ и дисциплинирующимъ началомъ. Идеино-
волевой централизаціи большевизма — нужно противопоста-
вить соравный по собранности и крѣпости упоръ.

Въ качествѣ практическаго противоположенія идеѣ третьяго
интернаціонала, непосредственно осуществляемой нынѣ въ Рос-
сіи, слѣдуетъ выставить во всей широтѣ и волевой напряженности
— идею третьяго максимализма. Въ обстоятельствахъ,
въ которыхъ находится современное русское идейно-политиче-
ское сознаніе, въ смыслѣ разностороннихъ притяженій и исканія
средоточій, можно прямо сказать, что *tertium datur*: кромѣ мак-
симализма социаль-коммунистическаго и максимализма рестав-
раціоннаго¹⁾ — должна быть найдена, и уже обрѣтается третья
система идей, для осуществленія которыхъ необходимо сосре-
доточить новую воленаврвленность и выдѣлить новыя поко-
лѣнія и кадры поданныхъ идеѣ. Мы называемъ эту систему
максимализма — е в р а з і й с т в о м ъ. Ни въ чемъ не становясь на
почву соотносительности съ третьимъ интернаціоналомъ, евра-

1) Учитывать современные реставраціонныя теченія эмиграціи, какъ
формы праваго максимализма — значило бы, конечно, чрезмѣрно преуве-
личивать ихъ значеніе. До сего времени всѣ ихъ разновидности, кромѣ
слабосильныхъ глубоко-провинціальныхъ и щемяще-безвкусныхъ реминесцен-
цій ничего не дали. Интересно, что въ цѣляхъ общественнаго примиренія
съ собой и д. б. въ порядкѣ „прогрессивнаго саморазвитія“ нѣкоторые изъ
нихъ даже впадаютъ въ тонъ „либеральной общественности“. До сихъ поръ
можетъ идти рѣчь о максимализмѣ реставраціонной дѣятельности только въ
видѣ порочной пародіи на него — поскольку эта дѣятельность по прежнему
руководствуется бесплодной демагогіей погромныхъ лозунговъ.

Однако, психологически возможно, что политическія страсти еще обра-
тятся въ сторону наименѣ творческой реакціи, попытаются использовать
слѣпую ненависть къ большевизму для элементарныхъ и бесплодныхъ пося-
гательствъ реставраціи.

зійство утверждаєть лишь необходимость максимальной духовно-идеологической напряженности и максимальнаго средоточія волевыхъ силъ, иноприродныхъ революціи. Единственно поэтому евразійство и утверждаєть формулу — максимализмъ противъ максимализма.

Въ противоположность двумъ парно-соотносительнымъ максимализмамъ, соціалистическому и реставраціонному, связаннымъ между собою признаками эпохи и поколѣній, ихъ породившихъ, максимализмъ третій долженъ войти въ жизнь самостоятельнымъ міромъ, отмежевываясь отъ нихъ обоихъ. Онъ прежде всего долженъ быть внутренне и до глубины обоснованъ сознаниємъ и волей подлиннаго возрожденія религіозно-православной стихіи, дѣйственно, въ мѣру силъ стремящейся реализовать истинные каноны человѣческаго благобытія, не прикрывая политиканства или бездушнаго правоваго ригоризма лицемѣрной обращенностью къ высшимъ цѣнностямъ. Обращенность эта не должна также носить характеръ искусственной архаизаціи, не должна опредѣляться слабосильнымъ (а порой и корыстно-разсчитливымъ) замысломъ элементарнаго возвращенія „къ старинѣ“. Исконное и незыблемое должно сочетаться съ современнымъ и потребнымъ. Въ противоположность пустымъ и изжитымъ формамъ своекорыстнаго европейскаго шовинизма надлежитъ дать всю полноту и насыщенность новаго культурно-творческаго, глубинно-національнаго бытія Россіи и понять, что культура Россіи — есть явленіе многосложное, многообъемлющее и синтетичное; что, будучи національной, она въ то же время является культурой части свѣта.

Система идей третьяго максимализма должна стать методомъ познанія революціи, отмѣняющимъ слѣпую и элементарную борьбу съ ней и устанавливающимъ прежде всего всестороннее отношеніе къ нынѣшней русской дѣйствительности, какъ къ средству и условію для созиданія самоцѣльной новой культуры — евразійской. Въ связи съ этимъ, на ряду съ послѣдовательно-безпощаднымъ и систематическимъ обличеніемъ идей и принциповъ русскаго коммунизма и его истоконъ, слѣдуетъ съ полной трезвостью указывать на тѣ стороны русской современности, которыя, при перемѣнѣ руководящей идеи, прежде другихъ способны стать основаніемъ для новыхъ культурно-государственныхъ установокъ будущаго, ибо

вопреки революціи логика русскаго историческаго процесса не перестаетъ находить въ народно-національномъ организмѣ живыя силы для своего проявленія.

Въ культурно-соціальной структурѣ старой Россіи до самаго послѣдняго времени содержалось еще много самозаконнотворческихъ элементовъ, которые опорачивались лишь въ условіяхъ слѣпой и разлагавшейся государственности. Это слѣдуетъ помнить и условно отнести также и на будущее русское устроеніе, ибо, несмотря на все духовно-національное паденіе, въ большевицкой Россіи уже намѣтились нѣкоторыя положительныя установки и повороты государственно-соціальной жизни, которые въ концепціи будущей творческой реакціи должны быть сохранены при замѣнѣ, конечно, основныхъ идеологическихъ мотивовъ.

Третій максимализмъ долженъ найти высшую точку зрѣнія, обеспечивающую хорошій релятивизмъ въ отношеніяхъ къ уже изжитымъ закономѣрностямъ долгаго и фактамъ сущаго, къ конкретной исторической дѣйствительности вчерашняго и сегодняшняго дня. Фактопризнаніе и даже „попустительство“ въ сферѣ соціально-политическаго переустройства — должны уравниваться усиленіемъ незыблемыхъ установокъ на догматическіе устои всевременныхъ цѣнностей русской исторіософіи.

Необходимо обрѣсти и утраченное видѣніе и ясное осознаніе той правды, которая, какъ выраженіе самого Абсолюта, какъ первоисточникъ всякой духовности, одна лишь способна обновить обветшалыя и ставшія лже-автономными и самочинно-догматичными нормы и закономѣрности права и соціальной морали.

Въ наше время „право“ и „правда“ — разошлись не только въ Россіи, и это расхожденіе пагубно вліяетъ на самое представленіе о нихъ и ихъ связи и обусловленности. Во многихъ случаяхъ право стало формально-догматическимъ защитникомъ неправды, а устремленія къ правдѣ все чаще начинаютъ выражаться въ формахъ антиправовыхъ и разрушительныхъ, вслѣдствіе чего самоуправныя исканія правды становятся прямыми фактами зла.

Система идеи третьяго максимализма должна, наконецъ, утвердить ту очевидную истину, что соблазны интернаціонала могутъ быть преодолены только въ сферѣ совершенно авто-

номной и свободной от всякой соотносительности съ нимъ; методологическимъ заблужденіемъ является распространенное предположеніе, согласно которому многіе вѣрятъ, что у интернаціонала можно воспринять средства и методы для побѣды надъ нимъ. Не бѣлымъ интернаціоналомъ и не реставраціонными конспираціями можетъ быть спасена Россія, а только полнымъ идейнымъ и тактическимъ выходомъ изъ сферы всѣхъ этихъ соотносительностей, искорененіемъ всего того, что привело къ революціи, черезъ спасеніе искаженной въ ней правды.

Слѣдуетъ до глубины продумать заданіе, смыслъ и предопредѣленность судьбы Россіи въ общей смѣнѣ временъ и чередованіи культурно-историческихъ цикловъ, угадать, увидѣть и поставить передъ собою въ качествѣ творческаго задания — находеніе для нея новаго типа культуры, новыхъ предметовъ дѣятельности, новыхъ пластическихъ формъ державно-государственнаго бытія, вдохновиться новыми принципами и методами народно-соціальной жизни; и прежде всего это должно выразиться въ находеніи органическихъ формъ сочетанія духовной, національной и хозяйственной свободы областныхъ и краевыхъ единеній Россіи — Евразіи съ державнымъ игомъ общей государственной судьбы, держащимъ и удерживающимъ всѣхъ и все въ единой пластической формѣ великаго цѣлаго¹⁾.

Если Господь попустилъ, чтобы Россія стала опытнымъ полемъ для осуществленія идей интернаціонала, то, быть можетъ, съ тѣмъ, чтобы она, своею же сущностью, безслѣдно сожгла и подвижнически уничтожила самую первооснову всякой революціи. Поэтому особый смыслъ должны получить въ наше время, для творческихъ русскихъ поколѣній, пронизательныя слова Хомякова: „Труженнику, бросающему плодоносное сѣмя, предшествуетъ же-

---

¹⁾ Современная атомизація и партикуляризмъ мѣщанско-буржуазной среды Европы и насильственное коммунизированіе всей жизни въ нынѣшней Россіи суть явленія, конечно, однородныя и легко переходящія другъ въ друга, ибо если мѣщанско-буржуазная атомизація ведетъ къ коммунистическому обезличиванію и уравниенію, то коммунизмъ является несомнѣннымъ факторомъ мелкаго автономистическаго индивидуализма, при которомъ тысячи человѣческихъ единицъ начинаютъ слѣпо-отъединенно и самочинно почитать себя каждая единственнымъ центромъ всего мірозданія.

лѣзное рало, раздирающее почву, подсѣкающее сорныя травы и проводящее борозду... Трудъ одного вѣка есть посѣвъ для будущаго, а не легка работа посѣва". „Трудъ нашъ, а жатва будетъ всемирная“.

П. П. Сувчинскій